

Ә Л Е К Е

**ВОЗВРАЩАЯ
ИМЯ ОТЦА**

ПРЕДИСЛОВИЕ

Наше поколение родилось и выросло в советское время. Мы жили и работали в СССР, в стране, которая была супердержавой мира. Наш отец Курмангужин Альмаганбет был свидетелем всех событий XX века, бурной эпохи войн и революций.

Он был участником и организатором колхозного движения в Северо-Казахстанской области. Сейчас этот период в истории Казахстана как-то вычеркивается из памяти народа. Лучшие сыны Казахстана отдали свои молодые годы, весь энтузиазм и силу молодости для создания и укрепления колхозного строя в труднейших условиях довоенных, военных и послевоенных лет. С распадом Советского Союза распались и наши колхозы, и совхозы. Сейчас, к нашему огорчению, эти люди забыты.

Мы решили восполнить этот пробел и написать о жизни нашего отца, служившего верой и правдой своему долгу, вернуть потомкам имя их прадеда Әлеке.

Русский поэт Ф.И. Тютчев писал:

«Счастлив, кто посетил сей мир
В его минуты роковые».

В эти роковые периоды истории нашего государства отец неизменно находил свое место в жизни.

К сожалению, сейчас не осталось в живых его друзей, соратников. Мы обратились с просьбой к представителям нашего поколения, знавших отца написать свои воспоминания о тех периодах жизни. Статьи К. Салькова, М. Елеусизова, Х. Биржанова, А. Кошанова, Г. Бельгера превзошли наши ожидания. Они воссоздали образ нашего отца. Мы надеемся, что общими усилиями нам удалось показать как атмосферу тех непростых лет, так образ нашего Әлеке.

Надеемся, что эта книга будет прочитана его многочисленными внуками, правнуками, праправнуками и другими молодыми людьми, коим не безразлична история родного Казахстана.

Кәкімбек Салықов,

*Қазақстанның еңбек сіңірген қайраткері,
Солтүстік Қазақстан облысының құрметті азаматы*

ТУҒАН ЖЕР АСЫЛ ТҰЛҒАСЫ

Әкелерімізді ұлағаттау, ата-бабаларымызды сыйлағандық, ата-бабаларымызды әспеттеу бүкіл қазақ атты ұлтымызды мақтан еткеніміз. Сөз еткелі отырған ауылымыздың ардақты азаматы, ауданымыздың алдыңғы қатарлы елағасы, облысымыздың құрметті азаматы болған, биыл туғанына 110-жыл толатын Әлмағамбет Құрманғожин ағамыз менің әкеммен сырлас, сыйлас, туыс-бауырлас болған құрметті үлкеніміз. Жақсылық Қарауылға Есенбайдан тараған Қожым атты ру бар. Бұл елдің байырғы атамекені Сырымбет тауының бауырында болыпты, ақ патшаның отарлау саясатымен бекіністер сала бастаған кезде, құтты мекенінен үдере көшіп осы күнгі Солтүстік Қазақстан облысы Шал ақын ауданындағы, Еңбек атты ауылды мекендепті. Саумалкөлдiң түбiндегi Комаровка тұрған жерден Ақан серiнiң ауылы да ескi Кеңашыға көшкен секiлдi бұл тарихқа кеткен сыр гой. Жалғызтаудың жел жағы, көз көрiмде Сырымбет күлiмдеп тұратын ақ қайыңдар арасындағы «Қарағаш» атты қыстақты бабаларымыз тұрақты жұрт етiп қалыпты. Қожымдардың бiразы Сырымбеттiң түбiндегi Сарыбұлақ (әлi бар) ауылында, ал негiзгi аталардың түпкi мекенiн орыстар басып алған жердi «Шоқ қарағай» атайды. Қызылту ауданында да қожымдар бар деп әкем Айтақмет Салықов айтушы едi. Сонымен Әлекеңмен бiздер үш-төрт атадан қосылатын туыстармыз. Туған жердiң арыс азаматы деп, ардақ тұтып бағалаймыз.

Әлмағамбет те, Айтақмет те тағы басқа Ақбұзау, Ботай, Қыстаубай, Қапез, Есiм сияқты көптеген ағаларымыз әр жерде ел басқарса ауылымыздың бүкiл қазаққа аты тараған үлкенi – халық ақыны, Үкiлi Ыбырайдың төл шәкiртi Молдақмет Тырбиев болатын. Ел басқару дарыған жас ұрпақтың өкiлдерi баршылық, ал Молдекеңнiң әсерi тимесе өзiм де ақын болмас едiм. Бұл атамызды ел iшi «Бота» деп, атын атамайтын. Ботамның шәкiрттерi Мұса Асайынов, Тұрсынбай Кәкiмов сияқты тарландар атақты ақын, әншi, жазушы болса, бүкiл төңiректе Молдекеңнiң шәкiрттерi баршылық. Молдекеңнен кейiнгi «Еңбек» атты ауылымыздың атын әйгiлi еткен азаматтардың алдыңғы

қатарында Әлмағамбет Құрманғожин көзге түсіп атаулы елағасы дәрежесіне жетті.

Әлекең шымыр дене, орта бойлы, дембелшең келген балуан тұлғалы, аққұба, қызыл шырайлы кісі еді. Ойлы көзі, салмақты мінезі, шарболаттай сом тұлғасы көрнекті ағамызды алыстан танытатын. Студент кезімізде елге келгенде ол кездегі аспирант Ебіней Бөкетов ағамыз, Шота Уәлиханов, Аманжол Қошанов Әлекең басқаратын «Қаратал» ауылына соқпай кетпейтінбіз. Сондай бір сәтте Ебекең: «Әлеке, менің бойым қаншалық ұзын болмағанмен көк терек сияқты көрінем, ал сіз дәу қарағайдайсыз, алыстан кім екеніңізді айқын аңғартасыз» - дегені бар еді. Осындайда ойға орала кетер Шал ақын атамыздың:

«Байлауы жоқ шешеннен,

Үндемеген есті артық.

Бәйге алмаған жүйріктен,

Белі жуан бесты артық», - деген ұлы пәлсапалы

дана сөзі Әлекеңе арнап айтқандай көрінеді. Асыл ағамыздың тек тұлғасы ғана сом жаралған емес, мінезі де өте салмақты, аз сөйлеп, көп тыңдағыш ой иесі болатын. Қажымас қара нар еді, оза тартқыш қазанат еді десек те Әлекеңе әсем теңеулер жараса беретін. Киімді де таза киіп, ағамыз бойын ширақ, салт қамшыдай жинақты, жолбарыстай күрт қимылға даяр ұстайтын. Ол кісінің айтар сөзі шырылдаған шындықты жеткізіп, адамға ой тастауға жеткітін. Ойы да ұлағатты, айтар сөзі де құрыш құймадай сұлу болатын. Өмірі де үлкен ұлағаттылық көрсетіп, жан аямай, тер санамай көпшілікке көмекпен өтті.

«Әркімді заман сүйремек, заманды қай жан билемек», - деп Абай атамыз айтқандай, біздің әкелеріміз де өз замандарының адал азаматтары болуға тырысты, сол тектілікпен парасатты өмір сүрді. Олар негізінде Кеңес үкіметі мен коммунистік партияның сенімді қызметкерлі болған міндеттерінен таймады. Әлмағамбет Құрманқожаұлы 1899-жылы жоғарыда аталған жерде дүниеге келсе, елдің басынан кешкен аштықты да, зорлық-зомбылық жасаған тоталитарлық саясаттың қырғын-сүргінін де басынан кешті. Жас Әлмағамбет ата-анасымен Айыртау ауданындағы атамекеніндегі туыстарымызбен бірер жыл тұрып қайтты, міне сол кезде ол бастауыш білім алды. Өсе келе бұрынғы Өктәбір ауданына қарасты «Мектеп» ауылдық кеңесінде хатшы қызметін атқарды. Оған дейін колхозшы да, атшы да болғаны бар. 1937

жылы партия қатарына кіріп, ауылдық кеңестің төрағалығына жоғарылатылды. Осы кезде Қызылжар қаласында аудандық жер бөлімінің қызметкерлерін дайындайтын курста Алаштың асыл азаматы Жұмабек Тәшеневпен бірге оқып, дос болып кетті. Оқудан кейін Өктәбір аудандық жер бөлімінің бастығының орынбасары болып көзге түсті, көп ұзамай Тораңғұл МТС-інің директорының саясат жөніндегі орынбасары қызметін де атқарды. Осы кезде аудандық партия комитетінің бірінші хатшысы, аты аңызға айналған қоғам және мемлекет қайраткері Сағалбай Жанабаевпен қызметтес күндерін Әлекең өте әдемі баяндап еске алатын. Біздің атай 1937 жылы – Қазақ ССР-ы Жоғарғы Кеңесінің бірінші шақыруының депутаты болып сайланды. Соғыстың алдындағы бір кездесулерінде Тораңғыл МТС-інің директоры Садық Тайжанов үшеуі Жанбаев жайлы әңгіме айтқанда қырғын күлкі болатын. Кейін өзім ат жалын тартып мініп, үлкен қызметке леккен уақытта Алматыда бір тойда Сағалбай ағамен кездестім. Сондағы айтқаны: «Әкеңді депутаттыққа кандидат етіп ұсынып жібермесем, КГБ ұстап әкететін еді, ол кезде олар жергілікті жердегі партияны да тыңдамайтын, жақсыны құртуға әлек еді», - деп ащы шындықты айтты. Жалпы Жанбаев жайлы қызғылықты әңгімелерді айта берсем жеке кітап болар еді, аңыз адам, нағыз адам екеніне көзім жетті.

Құдай оңдап Әлекеңнің қызметтес жолдастары да, достары да қайда жүрсе де игі жақсылар екен, сыйласып өтті. Осы сыйластығының, адамдарға жақындығының арқасында ол ауданымыздағы ең үлкен колхоздардың басқармалық қызметін асқан іскерлік, ноян табандылықпен атқарды. Ол кісі Қазақстанның 30-жылдығы атты колхозды басқарғанда оның құрамына Қаратал, Алқағаш, Козловка елді мекендері кіретін. Осылардың өздері де жеке-жеке колхоз болған еді. Қараталда басқарма болып тұрғанда Әлекеңнің үйінде өкі рет қонақтадым. Жас кезім ғой, атақты басқарманың әр қимылына, әр сөзіне, ым-жымына қызыға қараушы едім. Сөзге сараңдығын еске алсам: бір бригадир келіп қораның ішіне шығарып ақылдаспақ еді, Әлекең қолдың ұшынан нұсқау бергендей аз сөйлеп, саусақтарымен ымдап жатыр еді ана жігіт «ұқтым, болады» - деді де жүгіре жөнелді. Бұл ғадет: аз сөйлеп, қысқа да, тура нұсқа бере білу әйгілі басқарманың жұмыс тәсілі, стилі деп ұқтым.

Әлекең 1958 жылы пенсияға шыққаннан кейін біздің ауылдан он бес шақырым жердегі Новопокровка деген совхоздың орталығында тұрды. Біз бала шағамызбен сол жердегі Ақбұзау Ерторин ағайдың үйінде қонып, ертеңіне Әлекеңе барып сәлем бердік. Сәлемнен кейін жуыр маңда қайтыс болған ағамыз Есенғазидың үйіне барып көңіл айтып қайтуға ыңғайланып, бірге барайық, аят оқырсыз деп шақырдым. Сонда ол кісі: «Үйлерінде аят оқитын Молла бар, ол қырқына дейін ол үйден кетпейді, мені қинамай-ақ қойыңдар, Шал ақын бабамыз:

«Баратын жер қайнап жатыр,

Керетін жер жайнап жатыр.

Бара алмаймын алысқа екпелеме,

Екі аяқты көрілік билеп жатыр» - деген екен»

деп бір күлдірді. Қымыз ішіп дәм татқаннан кейін қоштасарда: «Әй, Кәкімбек, өзгені қой саған осы керек қой, өлеңдеріңді сүйсініп оқып жүрмін» - деді. Үлкен ағаның бұлай көтермелеуі маған майдай жақты, ішім жылып қуанып кеттім. Бұл сөздер аруақ қонған асыл ағаның ақ батасындай көрінді.

Әлекең жайлы айтар сөз көп қой, әттең, шағын мақаланың ауқымы оны көтермейді. Ағамыз үлкен басшы, терең ойлы сөз иесі, әдебиеттен хабары мол, өзі де серіліктен құр болмады. Үлкен жеңгеміз Жанкүмісті жақсы адам деп, ел мақтайтын, ел мақтайтын болғасын жұрт жақтайтын. Өзі де сұңғақты келген ақсары, ұзын бойлы, тұлғасы тік те сымбатты, ақ қайыңдай сұлу жаралған жан еді. Еліміздегі әйел патшайымы деп атауға тұратын ерекше кісі деп әкем де мақтайтын. Бұл жеңгейімізден: Қайныш, Айтбай, Жаманқыз, Сәлім, Болат, Марат, Мараш, Роза, Айтымтал атты балалары қанат жайды. Тоғыз баланың ішіндегі атаның баласы ғана емес адамның баласы, заманның айтулы қайраткері болған әлемдік дипломатияның айтулы тұлғаларының бірі Сәлім елдің мақтанышына айналды. Атадан асыл туған ардагер Қазақстан Республикасының тұңғыш сыртқы істер Министрінің бірінші орынбасары, Қазақстанның Венгриядағы елшісі болған айтулы мемлегер Сәлім Әлмағамбетұлы Құрманғожин Кеңестер Одағы кезінде алғашқы қадамын айтулы мемлекет қайраткері Төлеген Тәжібаевпен қызметтес болып Алматыда бастады, Мәскеудегі жоғары дипломатия оқуын бітірді. Содан кейін Египет, Түркия, Эфиопияда консулдыққа, кеңесшілікке, елшілікке шейін көтеріліп, тәуелсіз Қазақстанның Сыртқы істер саясатын көрнекті дәрежеде

көтеруге дайындығы мол еді. Әкеден алған ұлы мінез Сәлімді салиқалы, сабырлы, ұстамды азамат етті. Анасына тартқан, жасынан сұлу қыздардың нәзік жүректері шыдамастай кербез, маңғаз, әдемі ғана күлкісімен жан баурағыш абзалдық қонды.

Сәлімнің жұбайы Ләйлә Қадырқызы да ұлағатты әулеттен, тәрбиесі мол құтты шаңырақтан шыққан қазақтың асыл аруы. Қайыненесіне тартқан ерекше сұлу келінімізден туған балалар Рүстем, Жасұландар да әрі ақылды, әрі келбетті өте тәрбиелі балалар. Осы жақсылықтың бәрі Әлмағамбет ағаның тәрбиесінің негізінде құралған жан байлығы бәсенеден белгілі болып тұрады. Адамның өмір мерзімі тек қана өткен күндермен есептелмейді, есте сақталып қалған қымбатты күндермен есептеледі. Бұл орайда айтарым Сәлім екеуміз ағайынды қонар қаздай бір ауылдың түлектері болсақ көптеген жылдар Мәскеуде «Мал аралас, қой қоралас» дегендей дастарханымыз жалғас, достарымыз мол мархабатты һәм махаббатты дархан жылдарды бірге өткіздік. Екі үйдің де өмірінде: менің Орталық партия комитетінде, Сәлімнің КСРО Сыртқы істер министрлігінде қызмет атқарған күндеріміз мәңгі есте қалмақ. Өйткені, ол күндердің әрқайсысы өз қызығымен, өз қызуымен қадырменді өтті. Менің кенші достарым, қызметтес достарым Сәлім мен Ләйлаға жақын болып кетті, олардың дипломат достары біздің де бауыр-туыс інілерімізге айналды. Ел жақтан келген ақын, әнші, композитор, сәулеткер, мүсінші достар екі үйге ортақ қонақтар болатын. Осының бәрі әкелеріміз Әлмағамбет пен Айтахметтің салып кеткен сара жолдары, ата-баба дәстүрі.

Сәлімді мен әрқашанда мақтан тұттым. Өйткені ол кездегі ауыл үшін дипломат да, космонавт та бірдей саналатын. «Інім бар дипломат Сәлім деген, атағы дәрежесін мәлімдеген» - деп өлеңге қоссам, жас ұрпаққа үлгі болғаны аян. Сәлімнің дипломат достары да рухани достыққа лайық белгілі де, беделді өңкей есті жігіттер болатын. Өне, соларға арнаған «Мәскеудегі дипломат қазақтарға» атты өлеңімде бәрінің де аттары бар. Олар: Серікбай Бекенов, Шәйкен Надиров, Қасымжомарт Тоқаев, Ибрагим Аманғалиев, Карл Сәрсенов, Меңжан Ғизатов, Болат Исқақов, Хайыр Омаров, Ақас Аманғалиев сияқты тағы да басқа көптеген тамаша жігіттер ұлтымыздың мақтанышына айналды.

«Үлкен-кіші осы үйден табылмас кім,
Бауыр басты
Құрметтеп бәрі жастың.

Дәм татпаған қолынан ақ келіннің,

Дипломаттар жоқ десем жаңылмаспын» - десем

ол баршаға белгілі ақиқат. Ебіней Бөкетов, Шота Уәлиханов, Аманжол Қошанов, Тұманбай Молдағалиев, Төлеген Досмағамбетов, Бибігүл Төлегенова, Марфуға Айтқожиналардың келуін, елден келетін басқа да бауырларымызды қоса Мәскеудегі қос шаңырақ Солтүстік Қазақстандағы «Еңбек» атты ауылдың жалғасы көрінетін. Осының бәрі сол ауылдың берген өмір сабағы. Ауылымыз өте бауырмал болатын, дәстүрлі мейірбандықтың бізге дарып, жұғысты болғаны достарымызды көбейтті.

Әлмағамбет атайдың өте жақсы көретін құдағиы Хадзия апай да Сәлімнің үйінде болатын, ол кісіні бәріміз де сыйладық. Ал, Әлекеңнің серілігін еске алсақ екінші бәйбішесі, бір күнде жасырын, құпия бәйбішесі Шәйкен апайдан да Кәмиля атты тамаша қызы, Серік, Олжабай аты тепсе темір үзетін ұлдары да ауылымыздың асыл азаматтарына айналды. Кейінде Әлекең қайтыс болғаннан кейін Серіктің үйінде Әлекеңнің қос бәйбішесін кездестірген қызу думанда «Жасасын махаббат!» деп, екі жеңгемнің жарасымды да, сыйластық пен қимастыққа толы мезеттерін көргенмін. Әлекеңді кезек мақтаған өте жылы әңгімелерін де естігенім бар. Олар өте тату ғұмыр кешті. Міне, осындай естен кетпес мезеттерден өмір деген қымбатты құбылыс құралады. Сәлім екеуіміздің де үйлі-жайлы болған күндеріміз өте сәтті де тәтті еді. Өзіміз де, балаларымыз да бауырласып, достасып кеттік. Ал, бәйбішем Мәриям мен келінім Ләйләнің достықтарына сипаттау үшін білгенім: қатардағы абысын-ажындықтан әлдеқайда жоғары таза нәркес бауырмалдық періштенің қыздарындай құдайы сыйластықтан жаралды. Алыста жүрген қожымның қос келінінің татулықтарын барша достарымыз жақсы біледі. Шәкір Алиев дейтін бірге оқыған Мәскеулік-студент досым Алматыда тұрады. Бірде сол досымның: «Әй, сен осы ер жігіттердің достығын, әсіресе, Орынбек досыңды көп әспеттейсің, ал Мәриям мен Ләйләнің біріне-бірінің ыстық ілтифатын неге өлең етпейсің?» - деген сөзі есімде қалыпты. Маған Мәриямның шешесі, Ләйләнің шешесі де өз аналарымдай болып кетті ол тәтті сезімдерді жазған өлеңдерім баршылық.

Жас кезімде біз әкемнің қызметіне байланысты Көкшетау облысында тұрдық, Солтүстіктегі ауылға сирек келетінбіз. Сол балғын кезден есте қалған бір әңгіме бар. Ауылдағы Қойшы, Білөл, Үмітбай сияқты ағаларымнан естіп едім. Біз кішкентай

балалар ойнап жүргенде олар ақырын ғана өздері шүйіркілесіп: «Қос қарагер атпен Әлекең Шәйкеннің үйіне түнделете келіп таң атпай суыт кетіпті, ол ауданда жұмысым бар деп сылтауратып Қараталдан «Еңбекке» ұрланып келіп жүреді. Пай, пай, аттары мен есіл қорапты арбасы қандай» деп Қойшы ағамның аузының суы құритын. Енді ойласам, бәрі де "пайғамбар сүннәті", махаббат деген ғаламаттың бұйрығы, Кәмила, Серік, Олжабайлардың перзенттік тілегі екен ғой. Жалғыз әйел және тоғыз баламен тоқталып қалмай, екі әйел он екі баласы болу дегеннің өзі серілік қана емес, үлкен ерлік қой. Әлекең кездескен кезде Ақан сері бабамыздың «Аулық қонған Сырымбет саласына, ғашық болдым ақсұңқар баласына» - деген өлеңін айтқыза беруші еді. Шіркін, сал-сері бабаларымызды әкелеріміз жалғастырған екен ғой деп іштей мақтанамын, тебіренемін, ағамызды аңыз етіп, бабаларымызға да алғысымызды айтамын.

Әкелеріміз ақтардың аласапыранын, қызылдардың қырғанын, Гитлермен соғысты да өткерді, ал, соғыстан кейінгі күйзелген елді көтеруде олар ерен еңбек етті. Егер олар өмірге еркелік ете білсе, олдағы ұлтымыздың тез көбеюін ойлағандары шығар. Кейде мақтанып, кейде әзілге қосып: біздің ауылдағы ағаларымыздың бәрі де екі әйел алған деуші едім. Расында да бір мысалға Ақбұзау Ерторин ағамызды алсақ, Көзтай және Зейни атты жеңгелерімізден он төрт баласы бар, ал немелерін, шөберелерін санағанда бір ауылдай көрінеді. Бір қызығы ауылымыздың ауызбірлігі өте мықты болды, ешқандай бөтен сөз, өсек-аяң шықпайтын. Партияның екі әйелге қатал кезінде ым-жымын білдірмей берік болу ол да аналарымыздың, алтын жеңгелеріміздің асылдығы деп білемін.

Қызықты уақыт мәңгілікке жетеді,

Қолыңа түскен мезетті жылдай етеді.

Соның бәрі қайдан десем, шіркін-ай,

Қимастық пен сыйластықтың жетегі – деп тебіренемін,

көп рахмет асыл аналар, алтын жеңгелер!

Әлмағамбет ағаның ауылымызда Айтмағамбет атты досы болды, менің әкем Айтақметке Әлекең жақын аға, ал Айтмағамбет ағайын ішіндегі аттас дейтін. Бұл үшеуі зәулім биік үшбұрышты пирамидадай біртұтас тұлғалар еді, киелі жандар болатын. Көкшетау жақтан астындағы атын беріп аттандырып, інім Сапар екеуімізді елге жібергенде: «Әлекеңе де Айтмағамбетке де барып сәлем бер, ал, сәлемнің биссимиллясын тоқсаннан

асқан Бейсембі ақсақалдан баста, ал Молдекеңнің айтқанын тыңдап қал, жазып та ал» дейтін. Сол Бейсембі ақсақалға Сәлім мен Ләйлә де мен сияқты сәлемдесуге барғанда жас келіннің сұлулығы шыдатпай қарт атып тұрыпты. Сонда жас тоқалы: «Не боп қалды желігіп» дегенде:

«Біледі бәрін бір құдай,
Періште тұр ғой қасымда.
Осындай еді, шіркін-ай,
Бәйбішем менің жасында» - депті.

Осы әңгімені естігенімде «Тоқсандағы толғаныс» - атты өлең жазып едім. Бейсембі, Молдақмет, Әлмағамбет, Айтмағамбет, Айтақмет даналарым Алатаудың асқаралы шыңдарындай көрінеді. Әлекең өзінің ақсақалдық, ардагерлік болмысымен ауылымыздың атын шығарса, оның үлкен ұлы Сәлім бүкіл аймаққа тамаша өзгеріс әкелді.

Баланың ғаламат қой көз көрісі,
Оның бар өз арыстан, өз бөрісі.
Ойнаса бүгін консул, космонавт боп,

Ауылдың бұл да ғажап өзгерісі, - деп Сәлімді мысалға алғаным бар. Әлмағамбет Құрманғожин ақсақал өз заманының асыл ұлы болып ел алдында парызын ақтап өтті. Ал, ауылыма кезінде дипломат болып, ғарышкерлердей өзгеріс әкелген Сәлім «ата көрген оқ жонар» дегендей жаңа ғасырға жетіп, Тәуелсіз Қазақстанның алғашқы адымдарына әсіресе, сыртқы істер саласында үлкен үлес қосты. Ол қазір де Алматыда өзінің бай тәжірибесіне сүйеніп ғылым кандидаты, ұстаздық құрып жүрген профессор ретінде шәкірттерге дәріс оқиды. Құнанбай бабамыз кезінде Абайдай ұлына ерекше мақтаныш етсе, Әлмағамбет Құрманғожаұлының да Сәлімдей ұлымен мақтанары заңды деп білемін. Турасын айтсақ, әкелі-балалы екеуі де бүкіл аймағымыз, барша ұлтымыз ұлағаттар ардақты азаматтар.

Әлекеңді көрген білген, қызметтес болған нәм ол кісі басқарған ауылдардың, ұжымдардың азаматтары ол кісі жайлы үлкен ілтифатпен еске алады. Асыл ағаның іскерлігін, көпшілдігі мен сепшілдігін сөз еткенде біздер – туыстары дән риза боларлықтай әңгімеге жаримыз. Есіл-Көкшенің намысын қорғап өткен ауылымыздың ақсақалы, халық ақыны Молдақмет:

«Іргемде тұр Тораңғыл,
МТС-і жайнаған.
Түзеп, баптап колхозға,

Сан трактор айдаған», - деп кезінде шарықтата жырласа, сол машина тракторлы станциясының да негізін құрауға тер аямай ат салысқан Әлекең еді. Ол басқарған колхоздар жайлы аздап сөз еттік. Ардагер тұлға, ел басқарудың майталманы Әлмағамбет Құрманғожиннің 110-жасқа толған мерейлі мерзімін лайықты атап өтер деп, туған еліме, асыл жеріме сенемін, өйткені аталып отырған асыл ері оған әбден лайық. Бұл естелікті де асыл ағаға деген мақтаныш сезіммен жаздым, оқыған кісі жан-жүрегін бір жылытар деп сенемін. Аттарың мәңгі жасайды, ардақты әкелер, асыл ағалар! Ел жүрегінде мәңгі сақталасыздар!

ҮЛКЕНІ ЕДІ АУЫЛДЫҢ

Жанкүміс-шешей қайтыс болды дегенде,
Ерік берді қалам досым өлеңге.
Өз өзімнен
Үйде отырып селк еттім,
Бір кемеңгер мәрт болғандай кемеде.

Ата-анамыз сарқылмаған тәуір күн
Шекті силас
Сан қызығын дәуірдің,
Жүзге жетіп дүние салған қарт ана,
Үлекен еді
Біздің шағын ауылдың.

Басқарманың жұбайы боп баққаны,
Шаңырақ туын, ел бірлігін сақтады.
Сымбатты еді,
Сұңғақты еді ажарлы,
Ағайын, жұрт ақ тілегін ақтады.

Байбіше еді
Төрт жұмақ, асы құт
Кең мінезін өтті көптен асырып.
Тоқал құтты Әлекеңмен екеуі,
Үкмет пен партиядан жасырып.

Біздің ауыл білмесеңіз досым-ай,
Өсті өрлеп рәсім силап осылай.
Тоқал алмас
Әулетімде еркек жоқ,
Тез көбейдік ештемеден шошынбай.

Пай, пай, шіркін! Бала күнді көкседім,
Тартынбаймын мейлі сырттан сөксе кім.
Керініп тұр
Сері мінез, әзілқой,

Қос жеңеше қолтығында өскенім.

Аңсатады бауыр, туыс ағайын,
Ауылда өткен әр күн, тәулік, әр айым,
Сағынамын өз анаммен тетелес,
Аналардың мейірімді арайын.

Саялаған көлеңкесін теректің,
Рухын сыйлау – ең үлкені себептің
Үлкені өтсе бүгін біздің ауылдың,
Қалғандарға
Жасын берсын демекпін.

14.Ү1.97

ӘЛЕКЕҢ ТУРАЛЫ ЕСТЕЛІК

Менің елден естігенім Әлмағамбет Құрманғожин ақсақал 30-шы жылдардағы колхоздастыру кезінде кіші-кірім ауылдарды біріктіріп дұрыс шаруашылық құруға ат салысқан белсенді азаматтардың алдындағы қатарында болған адам.

Соғыстан кейін мен елге барғанымда Әлекең Октябрь ауданына қарайтын Ленин атындағы колхоздың басқармасы қызметін атқарады екен.

Сол ауылда тұратын менің жастан бірге өскен досым және соғысты басымыздан бірге өткізген қанкөйлек жолдасым Әбілхайыр Мұқановтың үйінде мен қонақтап жатқан кезім болатын.

Бір күні ақсақалдың қызмет орнына барып сәлем бердік. Көп ұзатпай ол кісі Әбілхайыр екеумізді үйіне қонаққа шақырған еді.

Хал жағдайды сұраса отырып, соғыстың ауыр жылдарында елдегі балалары соғысқа кеткен қарттарға көмектесіп тұрғаны жайында сөз болған еді. Есімде қалғаны, сол жылдары біздің қартқа да көмектескенін есіне алды. Ауылда, жатқан менің әкеме, бір жолы соғымға сойған тайының жарты етін береді. Оны біздің қарт көзі жұмылғанша айтып өтті. Сол еттің арқасында, бір қысты тоқ жағдайда өткіздік деп отыратын. Сол сияқты, елдегі басқа да шал-көмпірлерге көмектесіп отырағанын жұрт айтып жүретін. «Аштықта жеген құйқаның дәмі ауыздан кетпейді» дегендей Әлекеңнің мұндай жомарттығын ел іші әлі күнге дейін жыр етіп айтып отырады.

Осындай халыққа жаны ашыйтын дархан мінезінің арқасында Әлекеңді елде силады, әрі Үкіметімізде құрметке бөлеп отырды. Халқына сіңірген адал еңбегін ескере отырып үкімет бұл кісіні талай рет марапаттағаны да белгілі. Мысалы, ерең еңбегі үшін Әлекең «Еңбек қызыл-ту» және «Құрмет белгісі» ордендерімен наградталған болатын.

Әлекеңнің ел басқарып жүрген кезіндегі адал еңбегі жөнінде, замандасы, менің немере ағам Қажохметте жыр қылып айтып отыратын. Біз соғыс қияметін басымыздан өткізсек, ал Әлекең ел ішіндегі ауыртпалықты, белін шешпей жүріп, кейімей-мойымай өткізген батыр сынды азаматы болатын деп отыратын. Әлекең

басқарған шаруашылық әрқашан алдыңғы қатарда жүретін, әсіресе Отан алдындағы жоспарды орындауда.

Сонымен қатар, Әлекеңнің «ұлын-ұяға, қызын-қияға» қондырған бахытты әке екені де белгілі. Үлкен ұлы Сәлім маман-дипломат. Ол көп жылдар шет елдерде дипломатия қызметін жемісті атқарған көрнекті елші. Екінші ұлы Болат, Алматы жоғары партия мектебінің түлегі, совет мекемелерінің беделді қызметкері болды, ал қазір құрметті зейнеткер. Зайра қарындасымызбен қол ұстасып жүріп, ұл, қыздарының, немерелерінің қызығында балқып жүріп жатады.

Өкінішке орай, соңғы кезде елге еңбегі сіңген азаматтарды тек мереке кездерінде ғана атаумен шектелетін болдық, бұл дұрыс емес. Әлекең сынды ардақты азаматтардың атағын тарихта қалдыру үшін, олардың атымен, сол кісілердің еңбек еткен, басқарған шаруашылық мекемелерге аттарын берсе оларға қандай тарихи ескерткіш болар еді.

Мұндай бастаманы халық толығынан қолдайтынына кәміл сенемін. Бұған қаржы белудің де керегі жоқ. Тек, дұрыс ниет болса, болғаны.

НАР ТҰЛҒА

Имандай шыным мен сырымды айтсам, мен осы естелікті жазарда көп қиналдым. Өйткені Әлекеңдей (Әлмағанбет Құрманғожин) нар тұлға жайында келістіріп ой толғап, ауыз тұшытарлық пікір айта аламын ба, ол кісі қарасаң басың айналатын асқар таудай, түпсіз терең мұхиттай ерекше жан ғой. Әлекеңнің халқына сіңірген ұшан-теңіз еңбегін, соқталы пішін-кейпін, іс-қимылын, әрі-беріден соң жүріс-тұрысын деп басып бейнелеу қолымнан келе ме деп көп жүрексіндім. Жасырып-жабары жоқ, тіпті күндіз күлкіден, түнде ұйқыдан айырылдым деуге болады. Ақыры, «Тәуекел түбі жел қайық, өтесің де кетесің» дегендей, көп ойланып-толғанып, бір аллаға сыйынып қолыма қалам алуыма тура келді.

Расында да, Әлекең өмір сүріп, еңбек өткен, оның атағы халық арасына кең тараған тұста біз әлі балаң едік, көп нәрселерді жұрт аузынан естігеніміз болмаса, байыбына жетіп, бағамдау шамашарқымыздан келмейтін. Өз қара басым, жастайымнан Әлекеңді қатардағы қарапайым адам деп қана бағаламай, пір тұттым. Менің ұғымымда ол кісі ұсынса қол жетпейтін шоқтығы биік заңғар болып көрінді.

Сүйем жері сүйкімді, қарыс жері қасиетті Есіл өңірінде – Солтүстік Қазақстанның қиыр батысында үркердей шоғырланған қазақ ауылдары орналасқан.

Олар облыс орталығы Қызылжар жақтан санағанда – Бірлік, Өрнек, Кеңес, Мектеп, Көктерек, Жаңа жол, Жаңа талап, Ленин (Қазіргі Ыбыраев) Қаратал, Алқа ағаш ауылдары. Ол кезде Әлекең әуелі көршілес Ленин атындағы колхозды басқарды, содан соң біздің ауылға – Қараталға «Қазақстанның 30 жылдығы» атындағы колхозға басқарма болып келді. Әлекең қайда жүрсе де аса абыройлы болды. Өйткені Әлмағанбет Құрманғожин «Қазақ жерінің әрбір түйір тасы Қазақтың өңіріне түйме болып қадалуы керек» деген қағиданы берік ұстанды.

Етегімен су ішті, етігімен су кешті Еңбек деген сөзді бойтұмар ғып тағып, ар-иманымен қоса жүрегіне сана-сезімініне ұялатты. Елін, жерін елжірей сүйді, Отанын қастерлеп, ардақ тұтты, өзінің ісіне мығым, күшіне сенімді болды.

Алған бетінен қайтпайтын, өмірлік көзқарасын оңайлықпен өзгерте бермейтін қайсар жандар болады. Олар қара тастан қайрақ, қара судан қаймақ жасайды, жоқты бар етеді, барды зор етеді. Міне, Әлекең сол санаттағы тұлға. Әлекең алысты болжайтын түйсігі мол, көреген көзі бар, айта алар уәжі мен сөзі бар азамат болды. Шын туайтқа келгенде, Әлекең сөзден гөрі іске анағұрлым мығым, алып қашпа әңгімелерден, бейсауат сөзден бойын әрқашан аулақ ұстайтын, әр тұспалын таразыға тартқандай өлшеп айтатын, біреуді ғайбаттауды білмейтін, тура биде туған жоқ дегендей, ойындағысын бүкпесіз, қара қылды қақ жарып жеткізетін жаны-жайсаң, көңілі-дархан, пейілі-ақ жайлау жан еді.

Бағзы біреулер Әлекеңмен сәлемдесіп, қол беріп амандасқанның өзін бақ санайтын. Оның мысы басып, имендіріп тұратын, асқар таудай Әлекеңмен арада әлдеқандай бір перде, тылсым күш тұрғандай сезілетін. Соның өзінде ол кісінің бойына дарыған үлкен адамгершілік, тектілік танылушы еді.

Әлекеңдер өте қиын заманда жұмыс істеді. Соғыстың қиын-қыстау кезеңі. Жұрт кесе киімге, ішсе тамаққа жарымаған кез. Оның үстіне халықтың көңілі де қаяу. Әр отбасында соғыстың зардабы салған зобалаң. Көздерінен мұң, жүздерінен уайым, кескін-келбеттерінен шаршап-шалдыққанның табы аңғарылатын, қабақтары салыңқы мүскін адамдар. Солардың тілін, бабын тауып ұйымдастыру, оларға серпін, күш-қуат беру ілуде бір басшының ғана қолынан келетін қасиет. Міне, Әлекең ешкімге өзеуремей, ешқайсысын өзекке теппей, уақыт ағымына қарай жарым жан жандарды қыбын тауып, ұйыстыра, жігерлендіре білді. Тірі пендеге зәбір жасамады, тілін де, қолын да тигізбеді, жанашыр қамқоршы болды.

Әлмағанбет Құрманғожин істі тап-тұйнақтай тындыра білетін тыңғылықтылығымен, қысылғанда жол, қапияда сөз таба білетін асқан ұйымдастырғыш қабілетімен ерекшеленді. Халық сеніп тапсырған кәсіпті өзінің бар тіршілігінің темір қазығы етіп ұстады. Иә, табиғаттың қыр-сырын жетік білетін, оқығаны көп болмаса да, тоқығаны өте көп дала академигі Әлекең сол кездегі жандары жаралы, жүректері қаралы кісілерді дұрыс басқарып, тау қопарды, Ұлы жеңіске елеулі үлес қосты. Адам күшінің, техниканың тапшылығына қарамастан, жұмысты табысты жүргізді, әр нәрсенің орайын келтіре білді.

Жоғарыда айттым, Әлекеңнің бүкіл жүріс-тұрысы, ерекше түр-тұрпаты оқшау, мәрмар тастан қашап соққандай тұлғасы

бізге, жастарға тірі пайғамбардай көрінер еді. Өшейінде сұсты болғанымен, жіті қараған, түсінген адамға ол кісінің тұла бойынан ізгіліктің нұры шалқып тұратын.

Адам болған соң қаңқу сөз, жаңсақ пікір болады ғой. Бірақ Әлекең әлде біреудің сөзіне еріпті, өз тұжырымын өзгертіпті дегенді естіген жан жоқ шығар, ол кісінің ұстанымы берік, қағидасы мызғымас бекем болатын және де сол болжамы айнақатесіз дәл келетін. Бір сөзбен айтқанда, Әлекең асқар таудың шыңындай, алқалы топтың туындай жеке дара тұлға еді.

Әлекең мен Жанкүміс шешеміздің отбасы былайғы жұртқа үлгі болды, бұл кісілерге асып-тасу, шашау шығару, кердеңдік пен күпірлік мүлде жат болатын. Жанкүміс апамыз өте мейірбанды, қолы ашық, ағайын-туысқа, көрші-қолаңға ілтипатты бейбіше болды. Ол кісінің қонақ күтуі, тамақ ұстауы да ерекше, өте бап адам еді.

Әлекең мен Жанкүміс шешеміз Қайныш, Сәлім, Болат, Мараш, Айтымтал есімді ұл-қыз тәрбиелеп өсірді. Барлығы да зиялы, еңбекқор, мирасқор болып өсті.

Әлекеңнің өз қара басы балаларына өте зейіл болды, оларды тәртіппен, өте қатал ұстады, өбектеп, еркінсіткен жоқ. Ол кісі өмірден опық көріп, таяқ жегенше, бор кемік болғанша, балалар ширап, шынығып өссін деген қағиданы ұстағанға ұқсайды. Әрнәрсені алыстан болжайтын Әлекең балаларын өмір сынына дайындай білді. Әкені өне бойы кім жанына ертіп жүреді, дербестікке үйренсін деп баулыған ғой. Бүгінде ойлап отырсақ, Әлекеңнің тәрбиесі тасжүректік емес, жанашырлық екенін әбден аңғарамыз.

Құдайға шүкір, атадан ұл туса игі еді, ата жолын қуса игі еді, дегендей, Әлекеңнің үлкен ұлы Сәлім ел таныған азамат болды, мәмілегер ретінде әлемнің талай елінде абыройлы қызмет атқарды, бүгінгі таңда ғалым, ұстаз ретінде жастарға тәлім-тәрбие беру ісімен шұғылдануда.

Келін қайын ененің топырағынан жаратылады дегендей, Сәлімнің құдай қосқан қосағы Ләйлә Қадырқызы Жанкүміс шешемізге тартқан берекелі шаңырақтың киесі болып отыр. Екеуі де зиялы қауым арасында өз орындарын тауып, сый-құрметке бөленуде.

Біз екі үйдің біріндей болып жиі араласатын Сәлім мен Ләйладан өрбіген ұлдар - Әлекеңнің немерелері Рүстем мен Жасұлан бүгінде отау тігіп, тамырларын кең жайып, ел басқару

ісіне араласып жүр. Демек Құрманғожиндер әулеті өсіп, өркен жаюда.

Адам өмірінің ең бақытты сәті жақсы адамдармен жүздескен кезі болса керек. Студент күнімде, каникулға барғанда Әлекеңе сәлем беріп, оның ұлағатты сөздерін ұйып тыңдаған, Жанкүміс шешеміздің қолынан дәм татқан мезеттерді алланың сыйлығындай бағалаймын.

Табиғаттың қатал заңы кісі талғамайды, дәмі мен демі таусылып, ізі тұйықталар тұста бізді онымен, оны бізбен қоштасуға мәжбүр етеді.

Нар тұлғалы Әлекең де дүниеден озды. Бірақ жақсының аты өлмейді, өмірде сайраған ізі, тындырған ісі, ұрпақтары қалды. Өмір жалғаса береді.

ДЕЯНИЯ ОТЦОВ В РЕАЛЬНОСТИ СЕГОДНЯШНЕГО

Поколение отцов. Это до боли знакомое и безвозвратно отдаляющаяся от нас зыбкая память. То поколение, как кадры «уходящей природы» кадры неповторимые со своим особенным колоритом, менталитетом, своеобразием, со своей аурой, которое в совокупности очерченного было образом, составной частью той, советской действительности. Действительности свободной от наносной клеветы, в которой поднатарели обиженные, обозленные, засоренные от позитивности, что с собой унесла та же советская система в лице созидательного труда, энергии миллионов, устремленных в мечту о «светлом будущем». В этом ряду были армии рядовых труженников, лидеров, вышедших из этой массы, крупных и мелких организаторов. В их числе был Альмаганбет-ага, Әлеке, как уважительно называли его все те, кто знал его, общался и работал с ним.

Личность и даже физический облик Әлеке несли в себе особый отпечаток, отличный от заурядности, обыденности. Прежде всего обращали внимание его крупная голова, как бы грубо обтесанная из розового мореного дуба, круто очерченное широкое лицо с широко посаженными глазами, резко прогнувшийся книзу волевой рот с довольно массивным подборотком. Черты лица выдавали в нем человека властного, волевого. Вдобавок ко всему регулярно наголо сбываемый голый череп на короткой шее был ладно и крепко всажен в крутые массивные плечи, которые естественно переходили в адекватную грудную клетку и имели завершение в округлом массивном торсе. В народе за глаза его называли «жуан Альмаганбет». Для меня, еще юноши, его колоритная внешность чем-то ассоциировалась с обликом индийского вождя – победителя племени могикан. Да, он был колоритен, в чем-то неповторим, особенно когда на своем трофейном трехколесном мотоцикле (немецкого производства) объезжал колхозные, целинные поля, напоминая командора необозримых нив, повелевал механизаторами, специалистами, труженниками полей, требовал ударной работы, проявлял повседневную заботу об их сносном житье-быте. Әлеке-баскарма был руководителем требовательным, достаточно жестким, но в глубине души он понимал нужды людей, их повседневные

мытарства и в меру тех скудных возможностей помогал людям, а кто проявлял лень, нерадивость - карал, наказывал. Так было во все трудные годы его руководства колхозами района, начиная с лихих военных лет и в годы целины, когда жизнь аулов пошла в рост, когда жизнь людей обретала определенный смысл и цель. Поэтому, Әлекең-баскарма был известен как организатор, который во всех жизненных перепитиях был всегда с народом, делил с ними трудности и светлые чаяния. Так складывался его авторитет как руководителя честного, открытого в делах, деятельного и целеустремленного в проведенни диктуемой сверху аграрной политики на селе. Рядовые труженники села его уважали и побаивались за строгий нрав. Он был требователен и строг и по отношению к своим близкими и детям. Салим Альмаганбетович еще просто Салим – ученик 6-7 класса садился летом на сенокосилку или лобогрейку во время уборочной, а зимой в лютые морозы сопровождал обозы с зерном в районный центр. Сейчас Салим Альмаганбетович жалуется: у него «стынут ноги (а как иначе на склоне лет). А вот он считает, что «батя» в детские годы к нему был строг и он еще тогда в детские годы застудил свои «ноженьки».

В целом, Альмаганбет-аға (кстати, его имя по арабски звучит Аль-Мухамед, т. е. из рода Мухамеда, а то, что мы сейчас произносим, это уже адаптированная казахская версия-транскрипция) был личностью незаурядной, лидером по складу характера и действий. Еще в тех далеких тридцатых годах он волею судеб сталкивался и близко сходиллся с такими же незаурядными по характеру личностями, как Жумабек Ташенев, Сагалбай Жанбаев, которые впоследствии стали известными партийными, государственными деятелями, а дружеское расположение к Әлеке они сохранили на всю жизнь, встречались при случае и высказывали взаимное расположение.

Альмаганбет-баскарма (баскарма - так величали у нас председателей колхозов, руководителей хозяйств) я увидел еще парнишкой летом 1949г. на сабантуе (праздник завершения уборки урожая). В первые послевоенные годы праздник урожая для всех жителей района был событием значительным, тем более он отмечался, обычно, накануне ноябрьских праздников. На широкой равнине на правом берегу Ишима каждый колхоз городил свои павильоны, устраивали нечто вроде выставок с плакатами-агитками о достижениях, именами передовиков-

стахановцев. Одним словом, нечто отдаленно напоминающее или даже намекающее на ярмарку из «Кубанских казаков» (впрочем, в тот год, кажется, и картина вышла на всесоюзный экран). Разумеется, какой же сабантуй без казакша-курес и байги. Помню в тот раз положил всех на лопатки стал чемпионом района Сабит Бижигитов из аула «Каратал», где председателем колхоза был Әлекең. Сабит только вернулся из армии и закалка еще была при нем, да и силач он был завидный. А победителем на скачках байге оказался скакун из «Каратала», которого Әлекең-баскарма поручил специально готовить на этот той. Скакуна в народе прозвали «Соқыр курең» (он был крив на один глаз), но в байге на 20-25 км. не было ему равных. Финиш байги был настолько зрелищным, когда скакун с опущенной головой, высунув язык, метров на 700-800 опережал остальных лошадей и под восторженные возгласы жителей «Каратала» и «Алка-Агаша» по проселочной дороге проносился мимо обступившего с двух сторон живого коридара разгоряченной толпы.

(Впрочем, Алка-Агаш» мой родной аул, поблизости от «Каратала», а по родовому мы все родственники с нашим общим предком в седьмом колене Кулеке-батыром. Да и сейчас наш район носит имя Шал-акына, выдающегося казахского поэта XIX века, который был сыном Кулеке-батыра).

Мне думается, что при виде такого триумфа «каратальцев» счастливее нас с Салимом не было еще кого-либо, если не считать Әлеке-баскарма, самодовольно вышагивающего несколько вдали. Я был на праздника вместе с отцом моим Кошаном Жантлеувичем, вернее на тот случай я напросился на эту поездку. Альмаганбет-баскарма и мой отец были в хороших отношениях и высказывали взаимное расположение и уважение. Казахи говорят: «У друзей-отцов, дружны дети». Думается, что это духовное наследие скрепляет наши отношения с Салимом Альмаганбетовичем, нашу семейную дружбу вот уже на протяжении шести десятилетий. Пусть они продлятся дольше века.

Близко с Салимом мы сошлись в студенческие годы, ибо в школьные годы я учился в русской средней школе в селе Марьевка, а Салим в казахской школе в селе Ленино. Последняя из тех образцово-показательных школ, построенных в Казахстане в 20 годы прошлого века. Будучи студентом во время летних каникул мы с Салимом на уже упоминавшемся

немецком мотоцикле, который нам успешно заменял нынешние «мерседесы-ландроверы», «лексусы», свободно объезжали друзей родственников из нашего и соседних районов. Нас с друзьями радостно принимали родители. Помню, в 50 годы, я и Какимбек Салыкович (тогда просто Какимбек) не единожды были гостями Элекеңа и он с уважением, оценивающе присматривался к нам, проявляя отеческое внимание. В памяти светлой полосой высвечивается и отношение Жанкүміс-апа, мамы Салима. Она принимала нас у себя с такой заботой, полагая, очевидно, как мы бедные в невообразимой дали от родных и близких можем жить без баурсаков, кумыса и казы, коими обильно потчевала нас. У меня светлые воспоминания об этой мудрой и доброй женщине-матери всегда теплятся где-то внутри в закоулках моей памяти. Все в округе звали ее уважительно «Жәке».

Я вспоминаю год, когда Салим привез из Алма-Ата невестку-красавицу Ляйлю (тогда еще не Ляйлю-ханум). Элекең и Жанкүміс - апа устроили большой той. Ляйля городского воспитания, свободная от аульных условностей, играла вечерами в волейбол, часто прогуливалась и удалялась с Салимом в березовые рощи, которые плотной стеной обступали аул. Была любезна с родителями и родственниками. Словом, это умница, как бы сейчас сказали раскованная, совершенно не похожая на аульную модель невестки, как бы сейчас определили передового для тех лет образа «советского бренда». Аймағанбет-аға, Элекең, было видно, внутренне был доволен, но внешне, как и подобает отцу семейства, не высказывал свои эмоции. Салим, которого он всегда держал в ежовых рукавицах, кажется, на этот раз оправдал его надежды. Ибо для казаха удачная женитьба сына и пригожая невестка, что может сравниться с этим вожделенным чаением родителей.

С Аймағанбет-аға, работая уже постоянно в Алматы, я встречался реже, хотя бывая в родных краях изредка навещал его и по казахской традиции отвешивал традиционный салем-поклон. Кажется, это было в начале 80 годов после кончины Элеке я выразил особое соболезнование Жанкүміс-апай, она взаимно приезжала в дом моих родителей на годовщину кончины моего отца Кошана Жантлеувича.

Все приходяще в этом мире. Поколения наших родителей, исполнив своей земной долг, становятся как бы кадрами «уходящей природы». В этом бренность мира. Как отметил

великий Абай, поколение за поколением сменяются как волны, вечно жива только память людская. В памяти остаются деяния людей значительных, то доброе, чем пользуются и приумножают последующие поколения. Элекең, Альмағанбет-аға из этой плеяды. Он оставил добрую людскую память о себе, добрые дела, целый род Курмангужиных, получивших добротное воспитание прекрасное и по советским и по современным образцам образование. Они трудятся и уважаемы в общественных кругах Казахстана, России и Китая. Многообещающи внуки Альмағанбета, а Салим, которого он держал в строгости, отслужив с честью 45 лет на дипломатическом поприще России и Казахстана, вместе с супругой Ляйлей-ханум в ожидании успехов сыновей и внуков. То доброе и светлое, посеянное родителями, дает добрые всходы, Альмағанбет-аға. Ваши мечты сбываются. Мир Вашему праху.

БАСКАРМА МОЕГО ДЕТСТВА

Сознаю: мои детские впечатления могут быть, как ныне говорят, неадекватными. И, конечно же, субъективными.

Мне еще не было семи, когда я – понятно, не по своей воле - очутился в казахском ауле Северо-Казахстанской области в начале сентября 1941 года. Помню: мною руководило чувство неосознанной обиды, растерянности и неприкаянности. Я понимал, что родителям моим плохо. Плохо было и мне. И все было непривычно, внове: убогий быт, скособоченные домишки, ветхие шшалы, сплетенные из тала, кизячный дым, стойкий запах перебродившего айрана. И люди, точно прибитые нуждой и войной с проклятым «керманом» и людоедом «Китляром».

Как-то втемяшилось в мое детское сознание: главное лицо в ауле -председатель колхоза, суровый, строгий дядя Альмаганбет Курмангужин. И имя и фамилию баскармы я поначалу произносить не мог: С одной стороны, робел, с другой стороны мой язычок не был еще приспособлен к длинным казахским именам и гортанным казахским звукам. Ну, а онкель Аль-маган-бет звучало неестественно. Позднее я называл его простой «баскармой», а еще позднее - «Әлеке».

Честно сказать, я его побаивался. Суровый, резкий, дородный, он будто пронизывал людей строгим, острым взглядом, сидел верхом на лошади монументально, словно памятник самому себе, будто сказочный батыр, с короткой камчой в руке, в сапогах или восседал точно на троне, зимой в санях-кошевке, летом на тарантасе с плетеным коробом, занимая массивным телом все пространство. По-русски он говорил с сильным казахским акцентом. И вообще, он был немногословным. Человек конкретного дела. Умел подчинять людей своей воле, пользовался непререкаемым авторитетом, и никто в ауле ему не возражал.

Будучи мальчишкой, я, понятно, не могу судить о том, как он руководил колхозным хозяйством. Однако очевидно: вожжи правления держал крепко.Теперь понимаю: он был видным организатором колхозного движения и неизменно находился на

Отец с Ботаем Бутумбаевым

с. Каратал,
отец
с бригадой
строителей

Семья и родственники

Басқарма Әлекең

Ж.А. Ташенев обходит
колхозные поля

Отец, Салим, Болат

Ж.А. Ташенев
с тружениками колхоза
«30 лет Казахской ССР»

В гостях в Алма-Ате

Әлеке с детьми и внуками

Три поколения Курмангужиных; отец, Салим, Рустем, Жасулан

Отец среди детей, внуков и сватов

ВДНХ, г. Москва

Похороны отца

добром счету и в районе, и в области. Друзей и товарищей среди руководства было у него немало.

Я дружил и дружу с его старшим сыном, видным дипломатом Салимом Курмангужиным. Мы - ровесники. Играя со светлолицым, рослым, с юных лет склонным во всякой новизне корешем своим Салимом, я иногда заглядывал в дом баскармы. Он - так мне казалось - и дома, в семье, был строг, суров, и сына воспитывал с раннего детства в узде, посильном труде и повиновении.

Вообще, как я теперь понимаю, «баскарма» Альмаганбет Курмангужин был колоритной фигурой, сыном своего крутого времени, ответственным и требовательным кадром, цельной личностью.

Расскажу об одном случае. В осеннюю страду нас, школьников, нередко даже из начальных классов, время от времени мобилизовали на колхозную работу. Однажды, нас, восьми-девятилетних шалопаев, погнали на стан шелушить подсолнух. Мы уселись кругом, выбирали из кучи посередке шляпы подсолнуха и старательно выбивали, вышелушивали семечки. Мои шустрые напарники первым делом набили себе карманы, пазухи отборными семечками. Я тоже последовал их примеру, радуясь, что дорвался до дарового лакомства. Ближе к концу работы неожиданно подъехал верхом на гнедом жеребце баскарма, спешил, сел в круг, цепким тяжелым взглядом ощупал всю босоногую ватагу. Мы, как говорят казахи, сразу подобрали руки-ноги и затаили дыхание. Баскарма тихо распорядился:

«Все карманы выпростать! Воровать нехорошо! А в награду за труд выдать каждому по две шляпки подсолнуха».

Я оглянулся. Мои тамыры нехотя начали чуть-чуть по горсти, облегчать содержимое карманов. Я, ерзая от стыда, готов был провалиться сквозь землю. Под пристальным взглядом сурового баскармы я незаметно высыпал все из своих карманов и, как бы себя наказывая, выбрал из осевшей кучи помятые, скукожившиеся по краям головки подсолнуха.

И ныне 65 лет спустя, я чувствую на себе этот хмурый, пронизывающий взгляд баскармы, зорко стоявшего на страже колхозного добра.

Әлекең болса Каратал аулында басқарма болып зейнеткерлікке шыққаннан кейін, алпысыншы жылдары Тораңғұлға қоныс аударды. Бұл көлдың жағасы, тұп қазығы – туған жері Енбек ауылынан он шақырым жер болатын. Әлекең Тораңғұлда тұрады деп естіген соң сәлем берейінші деп соға кетуді жөн көрдім. Төрт бөлмелі бөренеден қиып салған үлкен үй екен. Сәлем беріп, ішке кіріп келдім. Әлекең сәлемімді қабыл алды. Үстінде ақ көйлек, ақ дамбал, алып денесін ширақ көтеріп, бетіме тура қарады.

- Сен тұра тұр, кім екеніңді өзім айтам. Кәдекеңнің баласысың. Бірақ атың есіме тұспей тур, - деді.

Мен өзім атымды айттым.

Ие. мен сіздің елде басқарма болып жүргенде сенің әкең Қадірәлі бригадир, басқарманың орынбасыры болып қызмет істеді. Адал адам еді. Жатқан жері торқа болсын. Өзің қайдасын, не істейсін. Қандай оқу орынын бітірдың, - деген сұрақтарды жаудырып жатыр ақсақал.

Әлекеңнің алпыстан асып, шау тартқан шағы еді. Дегенмен тұғырдан түспеген, шиі шыға қоймаған екен. Бұл төрт құбыласы түгел, барға мәзір, жоққа әзір болып, шүкіршілік қылып отырған Әлекеңді соңғы көруім».

ВОЗВРАЩАЯ ИМЯ ОТЦА

*Лишь трудом и борьбой достигается самобытность
и чувство собственного достоинства.*

Ф.М. Достоевский

НАЧАЛО ТРУДОВОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ

Нашему отцу Курмангужину Альямаганбету исполнилось бы 110 лет 17 января 2009г. Он родился в селе Енбек Айртауского района Кокчетавской области. На этих землях, где вместе с другими проживали представители рода караул, к которым мы относимся. До сих пор, подъезжая к селу Енбек, можно увидеть места, где раньше жили потомки прапрадеда Баяна, наш Ата-Қоныс (Земля отцов).

Наш благодатный край еще в старину славился батырами, акынами, певцами. Как рассказывали старожилы, аул Енбек известен был певцами. В народе говорили, что у них даже телята не мычат, а поют. Это действительно было так. Мы, дети, много раз слышали родившегося в нашем ауле, широко известного в стране акына Молдахмета Тырбиева. И стар, и млад называли его «Бота» или «Молда-ага». Мы жили на одной улице с нашим легендарным акыном и дружили с его сыном Сундетом. Молдахмет Тырбиев был учеником и распространителем песен народного акына Тлеуке Кулекеулы или как в народе его называли Шал-акын, который также родился в наших краях.

Позже в советское время наш район был трижды переименован в Тонкерисский, Октябрьский, Сергеевский, а настоящее время - Шалакынский, названный в честь нашего легендарного земляка. Еще совсем молодым он проявлял интерес не только к поэзии, но и к фольклору, с особым вниманием прислушивался к рассказам стариков. Вероятно, поэтому сверстники и прозвали его Шал-акыном, что означала знающий, мудрый старик - акын. Помимо замечательных стихов, ставших сейчас крылатыми, он собирал материалы о происхождении казахского народа, его родах, генеалогии казахских ханов, был мастером поэтических состязаний - айтысов. У меня памяти с детских лет остались некоторые строки из его песни: «... мен өзiм Шал да болсам қатқан шалмын...» которую исполнял Молдахмет Тырбиев, аккомпанируя себе на добре. («... я хоть и старик, но я тертый калач...»)

Какимбек Салыков, какой казах не знает его стихов, не поет его песен. Он тоже из нашего аула Енбек.

«...жуз шақты ұй Енбек атты аулымыз ...» писал он о родном ауле.

В своей биографии отец писал, что родился в крестьянской семье. По рассказам родственников наши прадеды и деды жили вполне зажиточно. У многих были довольно большие количества крупного и мелкого рогатого скота. Рассказывали, что у прадеда Обена было только одних дойных коров свыше тридцати, косяки лошадей. По рассказам, дошедшим до нас, прабабушка наша Айганым отличалась не только красотой и умом, но и властным характером. Она умело вела большое хозяйство, смогла стать советчицей всего рода баян. К ее словам прислушивались не только близкие, но волостные правители, местные чиновники побаивались ее острого языка. У Обена было пять сыновей, наш дед Курмангожа был четвертым ребенком в семье.

Дед Курмангожа рано умер, и бабушка (Аже) Макул одна поднимала шестерых детей двух дочерей и четырех сыновей. Отец Альмаганбет был старшим в семье, и ему рано пришлось уйти из дома на заработки в русские села или как говорил он «батрачить». Работать начал с 1917г., как писал он в своей анкете.

В конце 18 века прошлого столетия на вольные поселения в Северный Казахстан из различных губерний России переселилось большое количество крестьян в поисках лучшей жизни. Так на территории Северо-Казахстанской области появились села Явленка, Петровка, Николаевка, Марьевка, Корнеевка, Ново-Покровка и др. Эта была первая экспансия русского населения на казахскую территорию. Казахи потеряли лучшие земли, изъятые для переселенческих участков. Часть казахов откочевала в поисках других источников жизни в Центральный и Южный Казахстан.

Отец зимой занимался извозом. Единственным транспортным средством в суровых зимних условиях были сани, запряженные быками или лошадьми. Русские сверстники прозвали отца «малакаем» из-за его громадной шапки из волчьего меха. По-видимому, работая в Ново-Покровке (Туранколе) у зажиточных русских крестьян, он научился говорить по-русски и позднее, уже в советское время, учился на курсах по ликвидации безграмотности. Возможно в Ново-Покровке, отец впервые познакомился с посевным земледелием, увидел, как выращивают хлеб. Позже, этот опыт пригодился ему, когда он вступил в колхоз.

Октябрьская революция принесла значительные изменения в привычный уклад аульской жизни. В 1921 г. была сформирована Акмолинская губерния с центром в г. Петропавловске. К Петропавловскому уезду Акмолинской губернии были присоединены Марьевская, Корнеевская волости из Кокчетауского уезда. Позднее в 1928г. Петропавловский уезд был ликвидирован и из волостей образованы районы. Район, где жил отец, теперь назывался Тонкерейским.

С приходом советской власти на селе произошли коренные перемены. Мы не могли найти в архивах двадцатых-тридцатых годов прошлого столетия данных о том, были ли организованы в Енбеке земледельческие артели, сельскохозяйственные товарищества. Из автобиографических данных отца следует, что он одним из первых вступил в колхоз «Енбек».

Создание колхозов для казахов было ломкой их хозяйственных и бытовых традиций. К тому же казахи, которые вели кочевой и полукочевой образ жизни, не готовы были психологически к оседлому образу жизни. В аулах началась конфискация имущества зажиточных сельчан, что привело к массовому убою скота, откочевка казахов целыми родами в другие области и за границу. Положение на селе усугубил массовый голод в начале тридцатых годов. В эти труднейшие годы отец работал в колхозе, подрастали его младшие братья и сестры.

Даже в эти тяжелейшие годы отец смог встать на ноги. Он решает жениться и сватается к дочери известного асакала Сагдена, жившего в ауле Маймак в десяти км. от Енбека. Асакал Сагден известен был в ауле как один из немногих казахов совершивших хадж в Мекку в середине XIX века. Вернувшись после свершения хаджа, он стал носить одежду только белого цвета, как и положено истинному «кажы». Обычно казахи при выборе жены в первую очередь смотрят, из какой она семьи. Наша мать Жанкумус была дочерью уважаемого в округе человека, воспитанная в духе казахских традиций. Все хорошо складывалось в молодой семье, вот только в первые годы не было детей. Наконец, у родителей в 1928 г. появилась дочь Кайныш. После нее родились Айтбай, Жаманкыз, но они рано умерли. В 1934г. родился сын Салим. Мать так боялась потерять меня, что до пяти лет носила на руках.

Отца в семье мы называли «ағатай», а Апа никогда не обращалась к нему по имени, и называла «Салим-ағатай».

Почему при жизни Апа я не спросил ее, как же она называла отца до моего рождения?

Рано начавший трудовую деятельность наш отец, повидимому, среди всех выделялся трудолюбием, надежностью и главное, своей пролетарской биографией, лояльностью к советской власти. В 1932 г. его выдвигают секретарем исполнительного комитета Есильского аульного совета, а уже в следующем году он становится председателем Есильского аулсовета. В 1935 г. его награждают Почетной грамотой ударника колхозных полей «за подлинное самоотверженное участие и проявленный энтузиазм в социалистическом соревновании и ударничестве по повышению производительности труда и улучшения качества продукции в сельском хозяйстве».

Чтобы быть грамотным руководителем, нужно было учиться. Отец направляется на учебу на сельскохозяйственные курсы. На этих курсах он учился вместе с Жумабеком Ахметовичем Ташеневым. Возникшую между ними мужскую дружбу они пронесут через всю жизнь. Ж.А. Ташенев до 1952г. работал на различных должностях в советских и партийных органах Северо-Казахстанской области. В 1937 г. агатай вступает в члены Коммунистической партии СССР.

Вскоре мы переезжаем в районный центр Тонкерийского района – Марьевку. Марьевка была основана еще в 1890 г. самарскими переселенцами. В районном центре отец работал заместителем заведующего районным отделом земледелия (РайЗО).

Первым секретарем райкома партии был Сагалбай Жанбаев, впоследствии ставший крупным партийно-хозяйственным руководителем в различных областях Казахстана. Это был смелый, честный человек, верно служивший советской власти. Сейчас в народе ходят его слова, высказанные председателю Совета министров СССР Г.М. Маленкову, когда его не принимали на учебу в Высшую партийную школу в Москве: «Хлеб надо – Жанбай надо, мясо надо – Жанбай надо, учиться надо – Жанбай не надо».

Очередное назначение отца - заместитель директора Туранкольской МТС (машинно-тракторная станция) по политической части. В тот период колхозы не имели своей техники, тракторов, комбайнов. Посев, уборка зерновых проводилась на лошадях и быках. С организацией МТС у колхозов появилась возможность арендовать зерноуборочную технику у МТС. Коллективное земледелие набирало силу.

Если еще в двадцатые годы отец батрачил в Туранколе, а теперь он стал идеологическим руководителем МТС.

У меня в памяти остался эпизод, когда отец ездил в Москву на Всесоюзную Сельскохозяйственную выставку в 1940г., и привез мне «матроску», так называли детский костюмчик в полоску. Вероятно, его поездка в Москву была связана с рекордным количеством хлеба, масла, мяса сданным государству Северо-Казахстанской областью в те годы.

Тем временем у нас пополнялась семья. В 1939г. родился брат Муратбек. Наша Аже называла его Болатом, и мы все стали так его называть, а еще через год на свет появилась сестренка Мараш. Аже жила отдельно от нас. Все ее дети разлетелись из родного гнезда, создали свои семьи, но она осталась жить в селе Енбек одна, когда мы переехали в колхоз им. Ленина. В селе Энбек жили двоюродные братья отца Жакия, Есенгазы и Кабдолла.

ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ В ГОДЫ ВЕЛИКОЙ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ВОЙНЫ

Грянула Великая Отечественная война. Три брата отца – Уалиахмет, Арап, Дюсенбай были призваны в ряды Красной Армии. У отца была отсрочка от призыва по мобилизации. Такую отсрочку выдавали специалистам промышленности и сельского хозяйства для поддержания жизненно необходимых отраслей промышленности и сельского хозяйства. Через год его призвали в армию. Мы четверо, Кайныш, Салим, Болат и маленькая сестренка Мараш остались с бабушкой Макуль. Апа поехала вместе с отцом в Петропавловск проводить его на фронт. Помню, как бабушка кормила козьим молоком Мараш. Через некоторое время отец вернулся домой, отсрочку от призыва в армию ему продлили еще на год. Тут же последовало новое назначение. Отец назначается председателем колхоза им. В.И. Ленина Октябрьского района.

Колхозы и совхозы только-только набирали силу, как грянула война. Мобилизация мужчин, реквизиция для нужд фронта тракторов, автомашин, коней резко ослабила материально-техническую базу колхозов. Село оказалось в крайне тяжелом положении, сократились посевные площади, зарастали бурьяном пахотные земли, резко сократилось поголовье скота. Вот в таких труднейших условиях наш отец начал работать председателем колхоза.

В колхоз им. В.И. Ленина отец вначале поехал один, потом перевез нас. Полгода мы жили в доме аксакала Елемиса, пока нам колхоз не построил дом. В колхозе была казахская школа десятилетка им. В.И. Ленина и я продолжил учебу в третьем классе. При школе был интернат, где жили дети из близлежащих аулов. Директором интерната был наш родственник Есим Смагулов. Там жил и окончил школу с серебряной медалью наш троюродный брат Кыдыр Ескендиров.

Отец наш был строг и дома, и на работе. В колхозе работали все, кто мог передвигаться, и стар и млад. Мне, как старшему в семье, доставалось больше всех. Апа числилась конюхом в колхозе, и мне приходилось выполнять всю работу по уходу и за домашней скотиной, и конюшней председателя колхоза. С утра до школы надо было успеть вычистить стойло, вынести навоз, напоить лошадей, положить корм. То же самое приходилось делать и вечером. Научился запрягать и распрягать лошадей. Порой я не мог из-за малого роста надеть хомут на лошадь, обязательно нужно было подставлять под ноги что-нибудь. Весной и осенью добавлялись работа в поле, когда был посев, сенокос и уборка урожая. Еще одна обязанность постоянно возлагалась на меня. К нам в колхоз приезжало большое количество командировочных из области и района. Обычно поздно вечером после ужина зимой и летом я отвозил их на подводе в ближайшее соседнее село. Вначале мне было тяжело, постепенно не высыпался, не говоря о том, что не успевал готовить домашние задания.

Однажды, когда мы с отцом поили коней, к нам подошли учительницы нашей школы, супруга директора школы Муслим Садыкова и супруга завуча школы Нурсулу Кусаинова и стали просить отца не перегружать сына работой, чтобы у него оставалось время для подготовки уроков. Отец молча выслушал, сел в седло и добавил: «Вот я не учился, а председатель колхоза». Сказал, как плетью ударил. Это был ответ и учителям, и мне. Сын председателя колхоза не мог иметь никаких поблажек. Плохая учеба - его нерадивость. Как стыдно было перед отцом и за учителей, и за себя. Вообще, в то время слово отца было законом для всех, не только членов его семьи.

Я удивляюсь, как отважились мои учительницы, зная крутой нрав отца, поднять этот разговор. Одна из них Нурсулу Кусаинова была избрана депутатом Верховного Совета Казахской ССР в

1949г. Обычно, в депутаты выдвигали передовиков производства механизаторов, доярок. Из нашего колхоза решено было выдвинуть кандидатуру передовой доярки. Отец пригласил ее домой, чтобы поговорить с ней, рассказать о предстоящих изменениях в ее жизни. Но бедная доярка так была напугана свалившимися на ее голову новостями, что ничего не могла ответить, сидела молча и только кивала головой. Отец тут же послал меня за нашей учительницей Нурсулу Кусаиновой. Она отличалась смелым характером, прямоотой, открытостью. Выбор отца был правильным, за такого депутата не придется краснеть.

Отец был скор на руку, в руках у него всегда была камча, которая могла пройти и по спине нерадивых. Однажды во время уборки урожая сломался комбайн. Была поздняя ночь, решили, что до утра не успеют отремонтировать, и мы, мальчики, поехали на трех бричках, запряженных волами, домой. За день все устали, и дремота одолела нас. Вдруг раздался крик отца, сидя верхом на лошади, он прошелся камчой по спинам спавших детей, и повернул подводы назад. Оказывается, комбайн уже отремонтировали. Во время уборки дорога была каждая минута, работали круглосуточно, председатель постоянно был в седле.

В тяжелейшие военные годы нужна была строгая организация труда, дисциплина, чтобы колхоз смог выполнить свои обязательства по производству зерна, мяса, молока. Не знаю, выполнял ли наш колхоз планы хлебосдачи полностью, но точно знаю, что иногда отец сетовал на то, что пришлось сдать даже часть семенного фонда. Помню, что весь запас колхозного зерна, фуража хранился в бригаде № 2. Бригадиром был честный, уважаемый аксакал Закария, пользовавшийся особым доверием отца. В бригаде он жил круглогодично. В колхозах не было продовольственных карточек, за свой труд колхозникам начисляли трудодни. К осени на заработанные трудодни выдавали пшеницу, фураж для скота и др. необходимые для жизни вещи. Дополнительная помощь выделялась особо нуждающимся только по распоряжению отца. Крупный и мелкий рогатый скот содержался в зимнее время на ферме, вблизи колхоза. Там также был строгий учет. Весной во время окота часто погибали только родившиеся ягнята. На каждого умершего ягненка составлялся акт, и мне часто приходилось помогать в составлении актов о потерях. Отец хранил и приумножал колхозное добро, как свое личное богатство.

Помогая своей родной матери в годы войны, он старался делать это через нас детей, чтобы не было лишних разговоров. Однажды зимой, он запряг нам черную кобылу (қара бийе), положил в сани мешок муки и приказал отвезти Аже в Енбек. Ехать нужно было через Алка-Агаш и Туранкол. В Туранколе к нам должен был подсесть наш родственник чуть старше нас, но он отказался ехать с нами, и мы продолжили путь снова одни. Мне было десять лет, Болату - пять. Вернуться домой, не выполнив задания отца, мы не смели. Наступила ночь, началась метель, не видно даже дороги. Я был в растерянности, Болат плакал. И тут вспомнил совет отца. Он часто говорил, что в буран или другую ненастную погоду, нужно отпустить вожжи и дать кобыле самой двигаться. Наша кобыла всегда могла отыскать дорогу. Завернувшись в тулупы, мы с Болатом молча наблюдали, как двигалась лошадь. Она чувствовала копытом утрамбованную дорогу, и если копыта начинали проваливаться в сугроб, она тихо пятилась назад, чтобы не опрокинулись сани, и снова продолжала путь. Так, благодаря нашей умной қара бийе, мы благополучно добрались до Аже.

А кто же работал в колхозе, когда шла война? Основной движущей силой были женщины, старики и дети. Поддержкой для отца были местные аксакалы, которые, не смотря на преклонный возраст, старались посильно ему помогать. В памяти остались только некоторые имена наших старейшин колхоза им. Ленина - Мукан, Сералы, Алмыш, Сейткожа, Кадралы, Закария. Каждый работник был на счету, особенно в период посева и уборки урожая с апреля по октябрь месяцы.

Однажды я стал свидетелем разговора между отцом и фельдшером Карлом Фридриховичем Бельгером. Отец посетовал, что по справке по освобождению от работы в поле стало выходить недостаточное количество народа, и попросил выписывать справки только в особо необходимых случаях. Карл Федорович, как мы называли его, по национальности был немцем. До войны немцы компактно проживали в Поволжье, но с началом ВОВ были депортированы в наши края. Карл Федорович, фельдшер по образованию, своим бескорыстным желанием помочь всем больным, снискал громадный авторитет и уважение местного населения. В народе его называли «былгыр пелшер», что в переводе означает знающий фельдшер. Карл Федорович отнесся с пониманием к словам отца. Я же увидел двух преданных своему долгу настоящих мужчин.

В годы войны к нам в район, кроме депортированных немцев из Поволжья, были направлены политические ссыльные. В основной массе это были грамотные специалисты. В нашей школе преподавателем русского языка работала Мария Петровна Егорова, ссыльная из Ленинграда, а в русской школе в Марьевке педагогический состав почти наполовину состоял из ссыльных переселенцев.

Как я заметил, у отца была тяга к грамотным, знающим людям. В Турангольской МТС появился новый агроном Александр Хорощев, политический ссыльный, Его обвиняли в убийстве С.М. Кирова, соратником которого он был. Это был прекрасный специалист, отец всегда прислушивался к его советам и рекомендациям, часто приглашал домой. К нам он приехал с Дальнего Востока, куда был сослан. Апа его в шутку называла «сүт күйма» (не наливай молока), чай пил без молока. Помню, что отец подарил ему тулуп и валенки, поскольку его ботиночки совсем не подходили для наших лютых морозов. Однажды мне пришлось отвезти его на санях в Марьевку. В кошевке сидели вдвоем, и тогда впервые из его уст услышал о Шекспире. Просто и понятно он рассказал содержание «Короля Лира». Каждый раз при встрече он постоянно повторял, что нужно много учиться, учиться жизни, набирать знания, приобретать специальность.

Политических ссыльных постоянно перемещали с одного места проживания на другое. Пришло время переселить и А. Хорошева. Отец никак не хотел терять грамотного агронома, и каждый раз ему удавалось оттянуть время депортации. По-видимому, агатаю удавалось договариваться с местным начальством. Чтобы окончательно решить с пересылкой политического заключенного, приехал вновь назначенный начальник районного отдела капитан КГБ. Как рассказывал бухгалтер колхоза Быкан, в правление колхоза, где сидели отец и А. Хорошев, неожиданно вошел капитан и заявил, что приехал за политическим заключенным. Отец снова стал уговаривать начальника, но тот был непреклонен, схватил агронома за шиворот и, угрожая пистолетом, потащил к двери. Отец выхватил камчу и стеганул пару раз по спине капитана. От неожиданности он выпустил Хорошева и с криком, что так не оставит это дело, уехал ни с чем. Агроном остался в МТС, но отца разбирали на бюро обкома партии и вынесли ему строгий выговор с занесением в личное дело. А много ли было таких людей, как мой отец,

могущих противостоять могущественным силам КГБ? Он знал, что мог и сам пострадать, но заступился, заботясь только о делах колхозных.

Вскоре А. Хорошева реабилитировали, вернули ему орден «Красного Знамени» за номером четыре и он уехал в Москву, где он получил трехкомнатную квартиру в центре столицы.

Год от года выполняемая мною работа на полях усложнялась. Зерновых комбайнов было очень мало, убирать, молотить хлеб приходилось самим колхозникам «лобогрейками» (название, данное колхозниками). Жатку тянули пара быков, впереди них шла пара лошадей, на которых сидели обычно мальчики. Вначале мне пришлось сидеть на лошадях и следить, чтобы они равномерно двигались, и лобогрейка работала без перебоев. Сидеть целый день верхом было очень трудно, иногда клонило ко сну. Взрослые всегда нас окликали, если мы дремали, чтобы мы не упали с лошади и не попали под вращающийся барабан. Мы сами были очевидцами, когда один мальчик упал, но к счастью барабан жатки не коснулся его. Позже мне пришлось уже гнать быков, и через год перешел на более трудный участок работы, стал лобогрейщиком. Теперь скошенный и уложенный на площадку жатки хлеб стал сгребать вилами и сбрасывать в валки. Это был тяжелый труд, глаза и лоб заливало потом (отсюда и название). Вместе со мной работали мои сверстники Разитден и др. Иногда подъезжал отец и спрашивал, не устали ли мы. Помню, как ответил ему, что не устал, но сильно болит бок. Вот так мы мужали на нивах наших колхозных полей.

Еще труднее приходилось женщинам, основной ударной силе села в военное и послевоенное время. Помимо домашней работы, когда с утра они доили коров, готовили еду семье, и потом шли на полевые работы пахать, сеять, убирать урожай. Поздно вечером дома их ждали не только голодные дети, но и масса неотложных домашних дел. Спать приходилось очень мало, и с утра опять начинались колхозные будни. В таком трудном круговороте жизни прошли четыре года войны.

Наша Апа работала наравне со всеми. Ей, как жене председателя колхоза, приходилось еще принимать разных командировочных из центра района и области. Это была дополнительная нагрузка на нашу мать. Проведение жестких административно-командных методов руководства колхозным производством не всегда давало надлежащие результаты. Приезжали

многочисленные уполномоченные с очередными директивами, но в конечном итоге все опять ложилось на плечи председателей колхозов. Апа была большой рукодельницей. При всей ее загруженности домашними делами она ухитрялась, за счет сна, обшивать не только всю нашу семью, но многих руководителей района и областей. Увидев на отце ладно сшитое кожаное пальто, многие приезжающие в командировку просили сшить и им такую же вещь. Все эти тяготы она переносила мужественно, но ко всему еще присоединилась боль и обида на отца.

В годы войны на селе не было мужчин, а вот вдов и одиноких женщин было предостаточно. Конечно, видный, представительный, красивый председатель колхоза казался для многих женщин недостижимой мечтой, но отец был очень строг и все свое время отдавал работе. По-видимому, так уж распорядилась судьба, что, приехав председателем колхоза им. В. И. Ленина, он остановился на квартире асакала Елемиса. Елемис жил со своей снохой Шайкен, муж которой погиб на войне. Отец стал уделять пристальное внимание молодой красивой вдове и вскоре отношения между ними переросли в большую любовь. Эта любовь сделала нашу нелегкую жизнь совсем горькой. Однажды в период уборки урожая зерновых Шайкен предложила мне покушать вместе с ней. Возмущенный таким предложением, отказался. Тут же поплатился за свой поступок. Неожиданно на коне подъехал отец и начал при всех стегать меня кнутом за отказ. Я бросился бежать, но он догнал, и продолжать бить. В доме, где никогда не было ссор, раздоров, стало невмоготу жить. Однажды, я ушел летом из дома, чтобы никогда не возвращаться, но меня нашли, вернули, хорошенько избили. Вскоре эти события стали известны многим. Его аморальное поведение разбирали на бюро райкома партии. Решение было простым, либо отец остается в семье и прекращает всякие отношения со своей пассией, либо разводится с Жанкумус и жениться на Шайкен. Снимать с работы и исключать из партии не стали, руководителем он был незаменимым. Отец принимает решение создать новую семью. Асакалы аула беседовали с нами, спрашивая, с кем мы останемся в случае развода родителей. Дети стали на сторону матери. Время шло, все оставалось по-старому. Отец официально разошелся с Апа, оформил свой брак с Шайкен, но продолжал жить с нами. Наша Аже была против брака отца и всячески помогала нам. Кайныш и Болат жили у ней. Отец хотел,

чтобы Шайкен жила у нее, но она категорически отказалась вводить в дом новую сноху. Тогда отец поселил Шайкен в семье своего двоюродного брата Жакия в селе Енбек и частенько туда наведывался.

Что могла сделать наша Апа? Забрать детей и уехать к своим братьям? Она ради своих детей осталась с отцом. Во второй семье родились Камиля, Серик, Олжабай, в нашей - Роза, Айтымтал.

ПОСЛЕВОЕННЫЕ ГОДЫ

После окончания войны в село стали возвращаться мужчины. Число их было небольшим, больше было оставшихся на полях сражений. Возвращались безрукие, безногие, с различными ранениями герои войны. Для колхоза это было большим подспорьем. Из трех братьев отца не вернулся ни один. Дочь Уалиахмета Сапыш воспитывалась в нашей семье.

Старшая сестра Кайныш училась в петропавловском педучилище, когда отец дал согласие на ее брак со старшим сыном аксакала Дусена Шопанова. Будущий зять Ульфат до начала войны закончил учительские курсы в Петропавловске. Когда началась война, его направили на краткосрочные офицерские курсы и потом сразу на фронт. Он дошел до Праги, затем их часть передислоцировали в Монголию для войны с Японией. Домой вернулся в чине капитана с многочисленными наградами. Аксакал Дусен решил женить сына. Наша сестра, по-видимому, была одной из лучших невест района. Из хорошей семьи, красивая, грамотная Кайныш пришлась по душе аксакалу. Он посылает сватов к отцу, чтобы он благословил брак Ульфата и Кайныш. Для моей сестры такое решение было полной неожиданностью, но послушаться отца она не могла. Не закончив учебы, Кайныш вернулась домой. Хорошо помню эту первую послевоенную свадьбу. Сестру провожали из дома Аже. Она жила в селе Енбек. На трех подводах мы выехали в Марьевку, где жил аксакал Дусен. На первой телеге ехали молодые, на двух других находился нехитрый скарб (подушки, одеяла, домашняя утварь), я сопровождал их верхом на лошади.

В послевоенные годы к нам особенно зачастили уполномоченные из вышестоящих органов, со всевозможными указаниями по увеличению сдачи хлеба государству. За срыв хлебосдачи руководителей колхозов и совхозов стали

привлекать к уголовной ответственности. Наш колхоз был одним из немногих, который выполнял план по хлебосдаче и до, и после войны. Мальчишкам моего возраста стали доверять сопровождение нагруженных пшеницей телег до зернохранилища Петропавловска. Обычно дорога занимала три-четыре дня, волю неторопливо тащили воз, мы лежали сверху зерна, и эта была самая лучшая пора. Правда, иногда мы попадали в распутицу, когда наши обозы застревали в грязи. Вытащить телегу стоило всегда очень больших усилий. После войны стали выделять машины для доставки зерна на элеваторы. Помню, однажды мы выехали на двух груженых пшеницей машинах. Мне предложили сопровождать одну из машин на выбор. Решил, что при наших непроходимых дорогах лучшей будет ЗИС, а не американский FORD. На деле так и оказалось, на советской машине мы спокойно преодолевали непролазную грязь, а американская машина постоянно буксовала.

В 1949г. отца перевели председателем колхоза Каратал, переименованного затем в 1951 г. в «30 лет Казахской ССР». Кроме села Каратал к колхозу относилось села Алка-Агаш и Козловка. Это мера была принята правительством для укрепления мелких колхозов.

Наша семья переехала туда, я остался учиться в Ленинской школе и приезжал в Каратал только на выходные дни. Теперь я мог уделять больше внимания учебе, обязанности конюха автоматически отпали. Расстояние между колхозом им. Ленина и Караталом было около 12 км. Домой по воскресеньям в хорошую погоду мы добирались пешком. Вскоре отец купил мне велосипед, и дорога занимала не более четверти часа. Проселочная дорога пролегла среди березовых и осиновых колок. Позднее, в период целины, все эти земли были вспаханы, деревья вырублены, и красота тех мест исчезла навсегда.

Отец рассказывал, что в Каратале работать стало легче. Появилась новая сельскохозяйственная техника, молодые специалисты, да и старшее поколение в лице аксакалов в селе Каратал Рамазана, Быкана, Коспана, Шияпа, Карибека и в Алка-Агаше Кошана, Сурагана, Ахметжана, Айдархана, Кошкарбая были его опорой и поддержкой.

Помню первую встречу с Ж.А. Ташеневым, который в тот период работал секретарем обкома партии Северо-Казахстанской области. Он приехал на торжественное мероприятие по

присвоению колхозу имени «30 лет Казахской ССР». Отец все годы работы председателем колхозов поддерживал с ним дружеские отношения, оказывал в годы войны посильную материальную помощь. Ж.А. Ташенев тоже ценил передового председателя колхоза, на которого всегда можно было положиться, и оказывал всяческую поддержку колхозу. Через некоторое время отцу, как председателю колхоза, выделили мотоцикл М-72. Теперь он мог объезжать колхозные поля и фермы за более короткое время.

1950 год в Северо-Казахстанской области выдался урожайным. Наш колхоз вырастил хороший урожай, и не только выполнил план сдачи зерна, но и перевыполнил его. Отец был награжден грамотой Верховного Совета Казахской ССР.

Коммунистическая партия и правительство Советского Союза предприняло шаги по увеличению производства зерновых и других сельскохозяйственных культур. Для этих целей необходимо было освоить целинные (нераспаханные) и залежные земли в Казахстане и др. областях Советского Союза. Осваивать целинные земли только в 1953-1954г.г. прибыло в нашу область 18 тыс. новоселов, в основном из России, Украины, Беларуси. Позднее это число увеличилось до 40 тыс. трудоспособного населения. Эта была уже третья экспансия русского населения в наш край. Число коренных жителей составляло не более 10% от общей численности населения области. Наш земляк, выходец из села «Орнек» известный казахский поэт Еслам Зикибаев писал:

«...меняң аулым алыстау,
меняң аулым орыстау...»

(и аул мой далек и русских там много)

В это время я учился уже в Алма-Ате. Приезжая на каникулы видел, что распаханы все земли вокруг Каратала, Алка-Агаша. Пашни уже вплотную приближались к поселкам. По проселочным дорогам в наших березовых, осиновых лесах, по которым мы ездили на подводах, сейчас носились машины. К нам в колхоз на уборку урожая приехала бригада из Западной Украины, среди них были и бывшие бендеровцы. Они хорошо работали, за что снискали уважение отца. Ағатай, как председатель колхоза, следил, чтобы им во время подвозили еду, расплачивались за проделанную работу. Как-то по просьбе отца, когда был на каникулах, поехал к ним в бригаду, привез свежие газеты, рассказал о международных новостях. Познакомились, разговора

не получилось, их особенно ничего не интересовало. Они были временщиками, заработать и уехать. Отцом были довольны, хвалили, что он крепкий хозяин. Получалось, что, как сверстник, я не мог найти с ними общего языка, а отец нашел подход к ним. Уезжая, они решили подарить ағатаю охотничье ружье. Отец отказался принять подарок и сказал, что ружье возьмет только за деньги. Это ружье сейчас хранится в нашей семье.

Отец каждый мой приезд обстоятельно расспрашивал об учебе, интересовался, как я расходую стипендию и деньги, которые он высылает. У нас стали выстраиваться иные отношения, отец стал более внимательным, с интересом слушал мои рассказы.

В июле 1956г. мы с Ляйлей поженились и приехали в Каратал. Я очень волновался за жену, как воспримет она наши аульные условия, где не было даже элементарных удобств. Волновался, что скажет отец, увидев городскую сноху. Но все мои тревоги были напрасны. Когда мы подъехали на грузовой машине, отец уже ждал нас на улице. Таким радостным и счастливым я его не видел никогда. С распростертыми объятьями он встретил свою первую сноху, улыбка не сходила с лица. И потом начался свадебный той, который длился неделю.

Надо отдать должное воспитанию, доброжелательности и открытости моей супруги, которой удалось завоевать любовь и уважение не только моих родителей, но найти подход к нашей строгой Аже. Конечно, в колхозе много судачи; не носит платка, играет в волейбол, ходит без чулок и пр. Эти разговоры, вероятно, доходили и до отца. Но он молчал. И тут я увидел ағатаю совсем другим. Он уважал мой выбор, нашу с Ляйлей любовь.

Одновременно с освоением целинных земель на основе колхозов были созданы крупные совхозы. Колхоз, где председателем был отец, стал отделением совхоза «Заря» и, соответственно, отец автоматически стал его руководителем. Не все проводимые в селе преобразования приходились по душе отцу. Он выступал против вспашки пастбищных земель, которая нарушала животноводческую базу. Как никто другой отец знал, как это скажется на жизни тех казахов, которые занимались животноводством. К его советам руководство совхоза не прислушивалось, перед ними стояли другие задачи - отчитаться за выполнение плана по вспашке залежных земель. Область вышла в передовики, вместо плана освоить 700 тыс. га в 1955г. было освоено около 1 млн. га. Отец, по-видимому, почувствовал,

что он не сможет плодотворно работать, когда он должен выполнять задачи, с которыми не согласен. К тому же, совсем уж не по душе была политика, проводимая Н.С. Хрущевым в области сельского хозяйства. Ағатай до конца своей жизни остался верным сталинистом. С другой стороны, появились молодые грамотные кадры, не лишённые амбициозных устремлений, которых поддерживали местные власти. Ушло время «кризисных руководителей», наступало другое время. К тому, как мы видели, приезжая в аул, у него не сложились отношения с новым молодым директором совхоза Сущенковым. Отец решает достойно и с почётом уйти на пенсию.

НА ЗАСЛУЖЕННОМ ОТДЫХЕ

В 1958г. отец вышел на пенсию. Первый его выезд из аула был к нам в Алма-Ату, чтобы увидеть нашего первенца Рустема. Потом он приезжал на новоселье в 1959г., когда мы получили первую свою квартиру. В этот период старый друг отца Ж.А.Ташенев работал председателем Верховного совета Казахской ССР. Жумабек Ахметович пригласил нас в гости. Мы с Ляйлей сидели молча и слушали разговоры двух друзей. Они вспоминали и трудные военные годы совместной работы, и современное положение дел в сельском хозяйстве. В этот же приезд отец навестил еще одного своего коллегу С. Жанбаева. Сагалбайаға работал в аппарате ЦК КП Казахстана заведующим отделом партийного контроля после окончания высшей партийной школы в Москве. У отца, как всегда, все было расписано. Погостив у нас одну неделю, он вернулся домой.

Ағатай решил построить новый дом в Ново-Покровке и постоянно обосноваться там. Директором Ново-Покровского совхоза был Н.Н. Петров, которого отец хорошо знал и высоко ценил его деловые качества. Они работали вместе, когда еще Н.Н. Петров был директором МТС, а отец председателем колхоза. Для Николая Николаевича не лишними были советы аксакала, и отец чувствовал свою сопричастность к совхозным делам. На стенде в здании правления совхоза висел портрет отца. К тому же, село Енбек, где жила Шайкен с детьми было всего в десяти км. от Ново-Покровки.

Своими силами за три года неподалеку от озера Туранколь он возвел «пятистенку», дом с четырьмя комнатами. У него был

большой приусадебный участок, где он выращивал картошку, помидоры, огурцы. Отдельно от огорода на небольшом участке был фруктовый сад. Кроме всего, у него была скотина, корова, овцы, а также утки, гуси и куры. Все хозяйство держалось на плечах отца и матери, помогали им младшие братья и сестры. К этому времени, Болат женился на Зайре, дочери уважаемого в районе аксакала Сейпи. Небольшой отрезок времени молодые жили с родителями, но вскоре Болат перешел на работу в районный центр Марьевку.

В 1963 г. отец предпринял большое путешествие. Вначале он приехал в Алма-Ату увидеть второго внука, которого назвал Жасуланом. После Алма-Аты поехал в Чимкент, чтобы проведать и поддержать друга Ж.А. Ташенева. Жумабек Ахметович за свои принципиальные позиции в отстаивании целостности территории Казахской ССР перед союзным руководством был снят с должности председателя совета министров Казахской ССР и направлен на работу в Чимкент заместителем председателя облисполкома. Погостив у друга, поддержав его, он приехал в Москву. Я заканчивал высшую дипломатическую школу. Неделю он провел в Москве. К этому времени подъехала Ляйля, оформив себе командировку в Москву для работы над кандидатской диссертацией. Мы показали нашу столицу и, в первую очередь, посетили ВДНХ (Выставка достижений народного хозяйства), где он был в сороковые годы. В Москве проживал А. Хорошев. Узнав, что отец в Москве, он пригласил нас в гости. Наши старшие вспоминали тяжелые годы войны. Глядя, на этих совершенно разных людей, мы удивлялись, что служило причиной их тяги друг к другу, что их объединяло. Наверное, в основе таких прочных отношений лежат сочувствие и желание помочь незаслуженно обиженному, и, ответное, не менее искреннее желание, ответить тем же поддержавшему.

В 1963 г. мы с семьей уехали в первую заграничную командировку и реже стали бывать у родителей. Подрастали братья и сестры. Закончили учебу и обрели специальность Мараш в Алма-Ате и Камиля в Петропавловске. Вскоре обе вышли замуж. Мараш стала супругой Шамиля и уехала вместе с ним на Мангышлак, а Камиля стала женой Манапа. Следом за девочками отец отправил учиться в Алма-Ату Айтымтала, Серика. Айтымтал окончил зооветеринарный институт, сразу женился на Кульман и молодые вернулись в отчий дом. Серик получил диплом строителя и,

вернувшись домой, женился на Жанипе. Олжабай закончил школу прапорщиков и вскоре тоже женился на Сайран.

В итоге все дети отца, пять сыновей и три дочери, выучились, обрели специальность, создали свои семьи и успешно работали в различных областях.

После нашего отъезда в Египет отцу удалось совместить несовместимое, обе его жены стали жить вместе с ним под одной крышей.

В Ново-Покровку мы приехали впервые в конце августа 1967г. после возвращения из Египта. Отец был полон сил, бодр. С гордостью показывал нам свое хозяйство. Гордиться было чем. Прекрасный, просторный дом, крепкое хозяйство. Для полива огорода, где он выращивал картошку, помидоры, огурцы он вырыл колодец около дома. Мы спросили у отца, зачем ему такое большое количество кур, уток, гусей, не считая коровы и мелкого рогатого скота. Оказывается, он помогал детям, отправлял продуктовые посылки в Алма-Ату. Болат учился в Высшей партийной школе и жил с семьей в нашей квартире, Айтымтал и Серик тоже были студентами.

Отец был запасливым хозяином. К дому он пристроил веранду, где хранил не только продукты, но и всевозможные вещи, необходимые в хозяйстве. Наши вездесущие мальчишки пытались заглянуть в веранду, но дед строго наказал туда не заглядывать. Оказалось, что к нашему приезду он готовился заранее, чтобы в доме было вдоволь еды. На веранде стояли большие корзины, полные яиц, мешки муки, картошки, лука, коробки с валенным мясом, казы и другие деликатесы. Наш троюродный брат Капез всегда подшучивал над отцом, предлагая все это раздать.

В 1968г. мы получили в Москве четырехкомнатную квартиру и пригласили родителей приехать к нам. Отец откомандировал Апу, она приехала к нам в октябре месяце, но смогла прожить у нас только семь месяцев, московская жизнь ей была явно не по душе, тянуло домой. Часто она спрашивала у Ляйли: «Когда же в Москве появится солнце»? На что жена отвечала: «Апа, в феврале будут солнечные дни». Рассказывают, что когда она приехала домой, то долго еще гладила землю, приговаривая, «айналайн, қара жерім, жеттім ба саған».

В преддверии нового года теперь и мы стали получать посылки с гусями. В нашей семье стало традицией на новый год готовить гуся с картошкой.

Однако возраст брал свое, отец стал прихварывать. Вместе с родителями жили постоянно Айтымтал и Кульман. Для родителей и, особенно, для отца, огромную радость приносили внуки, родившиеся у них на глазах. Всего у ағатая было 22 внука и пять правнуков. Приезжая в отпуск мы всегда поражались, как отец лелеет и оберегает своих младших внучат Максата и Жазиру, детей Айтымтала. Здесь ағатай открывался нам с другой стороны, показывая, каким ласковым он может быть. Вообще, в последние годы жизни ағатай стал мягче характером. Как-то он сказал: «Тебе в детстве перепало от меня гораздо больше, чем остальным детям, но, несмотря на все, ты любишь меня», и прослезился.

Вскоре Айтымтала назначили парторгом совхоза «Заря» и все переехали в совхоз.

В мае месяце 1980г. пришло сообщение, что отец сильно болен, не встает с постели. Воспользовавшись майскими выходными днями, мы прилетели из Москвы навестить родителей. Отец не вставал с постели, ухаживала за ним Апа. Эта была последняя наша встреча. После нашего отъезда отец стал отказываться от пищи, практически не вставал с постели и 6 июня 1980г. скончался.

В областной газете «Ленинское знамя» был опубликован небольшой некролог. Приведем небольшие выдержки из него:

« ... скончался ветеран колхозного движения ... был активным участником освоения целинных и залежных земель, внес значительный вклад в дело развития сельскохозяйственного производства в Северном Казахстане...

За заслуги перед Родиной он был награжден орденом «Трудового Красного знамени», орденом «Знак почета», многими медалями СССР.

Светлая память о верном сыне ленинской партии, умелом руководителе и организаторе, замечательном товарище навсегда сохранится в сердцах всех, кто с ним жил и работал».

Апа пережила ағатая на 17 лет, ушла из жизни в 97 лет. Шайкен скончалась в возрасте 80 лет, пережив своего мужа на 26 лет.

Мы росли в суровых условиях, отец нас не баловал. Как говорил Иоганн Вольфганг Гете: «Все отцы хотят, чтобы их дети осуществили то, что не удалось им самим». Наверное, в какой-то степени это удалось достичь детям и внукам отца.

ПОСЛЕСЛОВИЕ

Последние два года мы посетили наши родные края, были в селе Енбек. В 2007г. мы ездили поклониться земле наших предков, дать поминальный обед усопшим родителям, прошлой же осенью большой горе вынудило нас снова приехать в Енбек, мы похоронили рядом с отцом и матерью нашего самого младшего брата Айтымтала.

Когда мы приехали в 2007г. наряду с радостью встречи с родными местами, удручала сложившаяся обстановка в селе. Не только в Енбеке, но и других местах, Каратале, Алка-Агаше, Аку-су, Жана-су мы видели упадок. Молодежь в поисках работы уезжала в города, родители, чьи дети еще учились, переезжали в районные центры, поскольку в аулах закрывались средние школы из-за недобора учеников. Сейчас такая же ситуация сложилась в Енбеке. В селах бывшего Энбекского совхоза остались в основном пенсионеры. Но больше всего уныние вызывали разобранные до последнего кирпичика частные дома, общественные здания. Глядя на эти руины трудно поверить, что здесь не прошла война. Трудные условия выживания в холодные зимние дни вынуждают оставшееся население вырубать березовый лес. Жаль, если наши красивейшие места, воспетые не одним поколением казахских поэтов, превратятся в засушливые степи.

Для нашего подрастающего молодого поколения есть пример их прадедов, в частности пример Әлеке, как возродить аул и вернуть ему былую славу. В истории казахского народа было немало тяжелейших испытаний, из которых он выбирался. Мы надеемся, что несмотря на все трудности переходного периода, в аул вернуться наши потомки с капиталами и новыми идеями, чтобы не дать исчезнуть с лица земли нашим родным местам.

Человек уж так создан, всегда надеется и никогда не отчаиваться.

Ә Л Е К Е

ВОЗВРАЩАЯ ИМЯ ОТЦА

Составители:
Салим и Ляйля Курмангужины

Тираж 500 экз.

Типография ТОО "Гридан-полиграф", 050050,
г. Алматы, пр. Райымбека, 193.
тел./факс: тел.: +7 (727) 233 33 76, 233 33 99